

КЛАССИЧЕСКИЕ СЛУЧАИ ПСИХОАНАЛИЗА

Эдипова и/или архаическая первосцена. «Человек-Волк» – новое прочтение* (часть 1)

А.В. Россохин

Россохин Андрей Владимирович – титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, руководитель магистерских программ «Психоанализ и психоаналитическая психотерапия» и «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, действительный член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), президент Московской психоаналитической ассоциации (МПА), почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АРСВС), главный редактор «Журнала клинического и прикладного психоанализа».

В статье автор предлагает новое, дополняющее анализ Фрейда прочтение случая Сергея Панкеева (Человека-Волка). Детально анализируя клинический материал, автор обнаруживает архаическое пространство бессознательного знаменитого пациента Фрейда и вводит понятие языческо-архаической первосцены.

Ключевые слова: психоанализ, Фрейд, Человек-Волк, первосцена, комплекс кастрации, архаическая фаллическая мать, эдипов комплекс.

* Основные идеи этой статьи были впервые представлены на Международной психоаналитической конференции «Зигмунд Фрейд – основатель новой научной парадигмы (к 150-летию со дня рождения Зигмунда Фрейда)», Москва, 16–17 декабря 2006 года.

«Новое можно узнать только из анализов, представляющих особые трудности, для преодоления которых требуется, конечно, много времени. Только в таких случаях удастся добраться до самых глубоких и примитивных слоев душевного развития и там найти разрешение проблем позднейших душевных формирований. Тогда начинаешь думать, что только тот анализ, который проник так далеко, заслуживает этого названия».
З. Фрейд («Из истории одного детского невроза», 1997, с. 94)

В своих работах, посвященных разработке квантового психоанализа (Россохин, 2010, 2020), я показал, что, в отличие от классического взгляда на психику человека, при котором различные этапы психического развития линейно следуют один за другим на одной-единственной внутренней сцене, квантовый взгляд высвечивает одновременное существование бесконечного множества сцен многомерного нелинейного внутреннего пространства человека. «Если представить, что перед нами не одна трехмерная театральная сцена, а бесконечное число сцен, на каждой из которых любое отдельное действие пьесы не прекращается, но продолжается в соответствии со своей собственной логикой развития событий, тогда наиболее привычная для нас классическая пьеса будет представлять собой только одну, хотя и, возможно, наиболее вероятную возможность. Одновременно с этой расположенной на переднем плане классической сценой мы сможем наблюдать за происходящим лишь еще на некоторых из бесчисленного числа квантовых сцен. Но сама эта возможность многомерного восприятия кардинально изменяет весь происходящий процесс в целом» (Россохин, 2020, с. 17). Эти сцены отличаются не только сюжетами, персонажами, главными героями, декорациями разыгрываемых спектаклей, но и степенью освещения прожектором сознания различных частей сцены.

Фрейд уже в анализе кейса Сергея Панкеева предвосхитил это: «Внезапной и гладкой замены одной фазы последующей не бывает в силу природы вещей и обстоятельств; не было и у нашего пациента, для которого, наоборот, характерно было сохранение в силе всего прошлого и одновременно существование самых различных течений» (Фрейд, 1997, с.127).

Невероятный по научной смелости, детальности и глубине анализ Фрейда клинического материала Человека-Волка до сих пор поражает каждого, внимательно следящего за фантазиями, ассоциациями, гипотезами и выводами аналитика в ходе описания этого классического случая. Практически со всех возможных сторон Фрейд исследовал эдипов и преэдипов уровни психического функционирования своего пациента, благодаря чему очень многие сцены внутреннего мира Сергея Панкеева ярко осветились дополнительными психоаналитическими прожекторами.

Вместе с тем, помня о принципиально бесконечном многоуровневом и нелинейном квантовом театре, я предприму попытку пролить новый аналитический свет на скрывающиеся в темноте и более удаленные по

сравнению с рассмотренными Фрейдом психические сцены. Я отдаю себе отчет, что обильное цитирование мною клинического материала, предоставленного Фрейдом, не сможет заменить внимательное прочтение его классической работы. Я исхожу из того, что мои размышления и выводы в целом не оппонируют результатам анализа Фрейда, а дополняют его, описывая происходящее на других, архаических сценах внутреннего мира Сергея Панкеева. Поэтому для понимания того, о чем я пишу, совершенно необходимо хорошее знание текста Фрейда.

1. Груша-няня-ведьма

Фигура няни впервые появляется у Фрейда в абзаце, прямо следующем за рассказом о родителях и сестре маленького Сергея. В этом абзаце мы находим три важные детали, описывающие няню и ее отношения с мальчиком. Мы узнаем, что за ним, «насколько хватает его воспоминаний», ухаживает «необразованная старая женщина из народа, питающая к нему неисчерпаемую нежность. Он заменил ей рано умершего сына» (Фрейд, 1997, с. 96).

Здесь же Фрейд упоминает о няне в связи с «покрывающим воспоминанием» Сергея Панкеева о том, как он, будучи очень маленьким, стоит рядом с няней и смотрит вслед уезжающим на лето отцу, матери и сестре, а затем спокойно возвращается домой. Я могу здесь предположить, что маленький мальчик отвечал взаимностью на сильную привязанность к нему няни, которая стала для него, по-видимому, надежным, замещающим мать объектом.

Наконец, в третий раз в этом абзаце няня предстает перед нами в образе ведьмы. Англичанка-гувернантка «неоднократно называла ее **ведьмой** и выгоняла из комнаты» (Фрейд, 1997, с. 97, – выделение автора статьи). Сергей защищал любимую няню, но это не дает нам ответа на вопрос о том, как на его воображение подействовало это *неоднократно* произнесенное с сильным эмоциональным зарядом слово. Был ли у него внутри к тому времени уже сформировавшийся образ ведьмы, почерпнутый из русских сказок или рассказов, которые ему читала мать или рассказывала няня? Как он соотнес свою любимую няню с этими ведьмами, Бабой-ягой? Как повлияло это не на явный, открытый, сознательный образ няни, а на скрытые ее репрезентации, прячущиеся в темных закоулках души, в архаических, близких к сказочным и языческим областях бессознательного маленького мальчика?

По мере описания Фрейдом случая мы узнаем, что незадолго до появления в доме гувернантки образ нежной и преданной ему няни в глазах мальчика уже подвергся серьезному испытанию. Сцена соблазнения мальчика сестрой произошла весной того же года, когда летом была приглашена англичанка-гувернантка для замены отсутствующих родителей (ему тогда было три с четвертью или три с половиной года). «Сестра схватила его член, играла с ним и при этом рассказывала как бы в объяснение непонятные вещи про няню. Няня, говорила она, делает то же самое со всеми, например с садовником: она заставляет его принять положение

вниз головой, а затем завладевает его половым органом» (Фрейд, 1997, с. 100).

Согласно Фрейду, мальчик ответил отказом на соблазнение сестры, «но он старался вместо нее найти другое любимое лицо, и рассказы самой сестры, ссылавшейся на пример няни, определили его выбор. Несколько раз он попытался обнажить перед няней свой орган, что, как и во многих других случаях, когда дети не скрывают своего онанизма, должно пониматься как попытка соблазнить. Но няня разочаровала его, сделала серьезное лицо и сказала, что нехорошо так делать: у детей, которые этим занимаются, на этом месте делается "рана"» (Фрейд, 1997, с. 103).

Фрейд расценивает попытки мальчика показать няне свой пенис как его активную попытку соблазнения няни посредством идентификации с отцовской позицией в первосцене. Не оспаривая это, я могу в дополнение высказать другое предположение.

В сцене соблазнения сестрой он занимает пассивную позицию. Мы можем допустить, что с няней он желает продолжить точно такую же линию поведения. Проявляя активность (показывая пенис и играя с ним), не хочет ли он тем самым занять место садовника в возбуждающих его фантазиях рассказов сестры? Не была ли для него фантазия о няне и садовнике одним из первых образов первосцены? Более ранним, чем первосцена, ожившая в сновидении с волками. В этой первосцене няня играет главную, активную и доминирующую роль. Садовник, напротив, служит пассивным объектом ее наслаждения.

Желая показать свой пенис няне, хотел ли маленький Сергей, чтобы она проделала с ним то же самое, что и с садовником? Перевернула вверх ногами и завладела его пенисом? Или полностью проглотила его всего, чтобы он навсегда был с ней? Он страстно желал и одновременно смертельно боялся этого?

Я считаю, что фантазия о няне и садовнике запустила в мальчике гораздо более глубокие и мощные психические процессы, чем реальная попытка сестры поиграть с его пенисом. В фантазии о няне его пенис оказывался прямо напротив рта няни, полностью в ее власти. Включение орально-каннибалического материала из прегенитальных и архаических пространств бессознательного в этом случае неизбежно.

Рассказы (фантазии) сестры о похождениях няни открыли мальчику также возможность потери образа няни как самого надежного и никуда не исчезающего, в отличие от матери и отца, объекта в его жизни. Если она так интересуется садовником и всеми другими («она делала это со всеми»), видимо, она оставит и его, так же как это делают его родители? И почему она не делает это с ним, если делает это со всеми, как говорит сестра?

Вспомним здесь о том, что Фрейд, объясняя враждебность мальчика к гувернантке, высказывает предположение о том, что мальчик ассоциативно связывает реакцию гувернантки на няню с фантазиями сестры: «Тем, что она ругала няню и назвала ее ведьмой, она пошла в его глазах по стопам сестры, рассказавшей впервые непостижимые вещи про няню, и, таким образом, дала ему возможность проявить по отношению к ней ту же

антипатию, которая, как мы услышим, возникла к сестре вследствие соблазнения» (Фрейд, 1997, с. 100).

Мы видим тогда, что в момент появления образа ведьмы в нападениях гувернантки няни вследствие «непостижимых» рассказов сестры становится не просто ведьмой, но сексуально агрессивной ведьмой, пожирающей член мужчины и тем самым завладевающей им (как если бы, например, пожирающая детей Баба-яга соединилась в один образ с ведьмой из гоголевского «Вия»). Сама сестра, желавшая в фантазии мальчика сделать с ним то же самое, что няня делала с садовником, таким образом также обрела в его бессознательном статус ведьмы.

Фрейд использует в своем анализе только две сказки («Красная Шапочка» и «Волк и семеро козлят») и не упоминает о других сказках или рассказах, которые его пациент слышал в детстве, но во множестве русских волшебных сказок и рассказов ведьмы играют важнейшую и очень активную роль. Кроме того, они имеют метлу, на которой они летают и которая, конечно, служит подтверждением того, что у них есть фаллическая сила и власть. Власть, изначально присутствующая у них (архаический уровень бессознательного) или добытая у мужчин (кастрационные фантазии).

Наконец, я обнаружил еще один, самый ранний материал, показывающий формирование «ведьмовского» фаллического материнского объекта в бессознательном маленького мальчика.

Однажды в детстве он испытал ужасный страх, преследуя большую бабочку, которая на кушетке у Фрейда ассоциировалась у него с бабушкой. Позднее в анализе «очень робко и неясно всплыло у больного нечто вроде воспоминания о том, как очень рано, еще до няни, за детьми ходила девушка, которую он очень любил; у нее было то же имя, что у матери. Несомненно, что он отвечал на ее нежность. Итак, забытая первая любовь. Мы согласились оба с тем, что, вероятно, произошло нечто, что потом приобрело большое значение.

Затем, в другой раз, он исправил свое воспоминание. Ее не могли звать так, как мать, это было с его стороны ошибкой, которая показывала, что *в его воспоминаниях она слилась с матерью*. Настоящее ее имя припомнилось ему косвенным путем...

Скоро появилось воспоминание об одной сцене, неполное, но вполне определенное, поскольку оно сохранилось. Груша лежала на полу, возле нее стояли чан и метла из коротких прутьев; он был тут же, она дразнила или высмеивала его...» (Фрейд, 1997, с. 147, – выделение автора статьи).

Могла ли возбудившая мальчика сцена с лежащей на полу Грушей, рядом с которой была метла, сделанная из пучка веток, впоследствии (апреку) получить иное звучание и «ведьминский» смысл в бессознательном Сергея?

Есть еще одно косвенное ассоциативное указание на ведьминскую сущность этого заместителя матери. Исследуя воспоминание о Груше, он приводит рассказ пациента о Яне Гусе. «В другой раз он рассказал, что, когда он узнал о жизни Яна Гуса, он был очень потрясен этой историей

и его внимание было приковано к связкам хвороста, которые тащили на его костер... Вязанки хвороста на костре Гуса мой пациент сам поставил в связь с метлой (связка прутьев) молодой девушки» (Фрейд, 1997, с. 147). Ассоциация связки прутьев с вязанками хвороста для костра, на котором сожгли Яна Гуса, может вскрывать еще один смысл – на кострах в Средневековье сжигали ведьм.

Няня, следовательно, была не первой, а второй сексуальной ведьмой в его жизни. Первая же представительница «ведьм» сначала была наделена Сергеем Панкеевым именем его матери и только потом благодаря работе Фрейда обрела свое собственное имя – Груша. Означает ли это, что все же самым первым и главным представителем ведьм для маленького мальчика в самых глубинах его бессознательного была его мать и все остальные персонажи, соответственно, играли лишь роль этого первичного архаического фаллического материнского объекта?

Итак:

Сестра – няня – первосцена.

Гувернантка – няня – ведьма.

Сестра – няня – сексуально-агрессивная ведьма.

Бабочка – бабушка (няня) – Груша – метла – ведьма.

Служанка (с именем матери) – мать – Груша.

И окончательно: мать – Груша – няня – сестра – ведьма.

2. Няня-Волк

Если мы внимательно прислушаемся к новым архаическим смыслам, открывающимся в описанном выше анализе материала Сергея Панкеева, то что можно сказать о пережитом мальчиком в 4,5 года сновидении с волками? Вновь добавлю, что речь не идет о противопоставлении моего прочтения материала той гениальной психоаналитической работе, которую Фрейд столь детально описал в своем классическом кейсе. Обнаруженный мною архаический план бессознательного Сергея Панкеева лишь дополняет проделанный Фрейдом анализ генитального и прегенитального уровней психического функционирования Сергея Панкеева.

Вспомним сновидение маленького Сергея, приснившееся ему в канун Рождества на пятом году жизни.

«Мне снилась ночь; я лежу в моей кровати (моя кровать стояла так, что ноги приходились к окну; перед окном находился ряд старых ореховых деревьев; знаю, что была зима, когда я видел этот сон, и ночь). Вдруг окно само распахнулось, и, охваченный страхом, я вижу, что на большом ореховом дереве перед окном сидят несколько белых волков. Их было шесть или семь. Волки были совершенно белыми и скорее похожи на лисиц или овчарок, так как у них были большие хвосты, как у лисиц, и уши их торчали, как у сторожившейся собаки. Мне стало очень страшно, наверное, из-за мысли, что волки меня съедят; я вскрикнул и проснулся. Няня поспешила к моей кровати, чтобы посмотреть, что со мной случилось. Прошло довольно много времени, пока я убедился, что это был только сон, – так естественно и ясно рисовалась мне картина, как открывается

окно и на дереве сидят волки. Наконец я успокоился, почувствовал себя так, будто избежал какой-то опасности, и снова заснул» (Фрейд, 1997, с. 106).

Связано ли это сновидение с фантазиями маленького мальчика о перво-сцене как о чем-то таинственном, возбуждающем и одновременно очень пугающем – о том, что происходит между мужчиной и женщиной, отцом и матерью, и/или фигурами, их замещающими?

Ответ на этот вопрос дан Фрейдом и подкреплен многочисленными доказательствами: «Из первого неполного анализа сновидения мы далее заключили, что волк является заместителем отца, так что в этом первом кошмарном сне проявился страх перед отцом – страх, который с того времени преобладал во всей его жизни» (Фрейд, 1997, с. 109).

И далее: «Сновидение вызвало устойчивое чувство страха, которое успокоилось только тогда, когда к нему подошла няня. Он, следовательно, бежал от отца к ней» (Фрейд, 1997, с. 117).

Я попробую проанализировать это сновидение с учетом открытого мною нового прегенитального и архаического материала. Если в соблазняющих рассказах сестры главную роль играла няня, то тогда какую роль она играет в сновидении с волками, если няня там, конечно, вообще есть?

Единственным действием в сновидении, с точки зрения Фрейда, было открывшееся окно. Оно прямо контрастировало с сидящими неподвижно волками. Постараемся погрузиться в сновидение мальчика и прожить его вместе с ним, возможно, мы сможем уловить что-то еще.

«Мне стало очень страшно, наверное, из-за мысли, что волки меня съедят; **я вскрикнул и проснулся**. Няня поспешила к моей кровати, чтобы посмотреть, что со мной случилось. **Прошло довольно много времени, пока я убедился, что это был только сон**, – так естественно и ясно рисовалась мне картина, как открывается окно и на дереве сидят волки. Наконец я успокоился, почувствовал себя так, будто избежал какой-то опасности, и снова заснул» (курсив и выделение автора статьи).

Сначала он говорит о мгновенном пробуждении от страха: «Я вскрикнул и проснулся», но затем добавляет: «Прошло довольно много времени, пока я убедился, что это был только сон».

Это означает, что мальчик не проснулся сразу, мгновенно вынырнув в реальность из кошмарного сна. Напротив, переход от сновидения к полному просыпанию был, согласно его уточняющим словам, довольно долгим. Только в самом конце этого переходного периода от сна к яви он «убедился, что это был только сон... успокоился, почувствовал... что избежал опасности...». Что же тогда происходило с ним в этом переходном периоде? Он, очевидно, продолжал находиться **внутри** своего сновидения, не подозревая, что это сон. Он узнал, что «это был только сон», лишь когда он **окончательно** проснулся.

Итак, мальчик от страха – «наверное, из-за мысли, что волки меня съедят» – вскрикивает, но не просыпается, а продолжает довольно долго пребывать в сновидении (точнее, в сновидном измененном состоянии сознания (Россохин, 2010), в котором постепенно усиливается сознательная компонента и он пробуждается). Представим себе театральную сцену,

на которой одновременно проигрывается происходящее в реальности и в сновидении: в левой половине сцены, отражающей объективную реальность, в кровати лежит спящий мальчик. Одновременно на правой части сцены мы видим то, что происходит в его внутреннем мире при сновидении. Окно на правой половине сцены распахивается, мальчик справа испытывает страх, что волки сейчас спрыгнут с дерева и набросятся на него. На левой части сцены спящий мальчик вскрикивает, продолжая спать. В этот самый момент на левую часть сцены из-за кулис внезапно врывается спешащая на помощь мальчику няня. Согласно его воспоминаниям, «няня поспешила к моей кровати, чтобы посмотреть, что со мной случилось». Мы, конечно, ясно понимаем, что это не его восприятие и не его воспоминание, а рассказ няни о том, что произошло после его крика. Интересно, что в рассказе о сновидении Сергея Панкеева няня оказалась в точности между двумя его фразами: «я вскрикнул и проснулся» и «я не мог проснуться еще довольно долго». Мы видим, что няня тем самым оказалась главным героем всего этого неуловимого переходного периода от сна к яви.

Какова же оказалась ее роль в этом ставшем с этого момента интерактивным (вторжение реальности на сновидную сцену) спектакле? Во-первых, мы видим, что кроме открытия окна в сновидении, которое Фрейд считал единственным действием, на сцене мощно разворачивается *другое активное действие* – няня подбегает к спящему мальчику и начинает его тормошить, стремясь его разбудить и вырвать из кошмарного сна. Мы знаем, что это ей долго не удастся. Что в это время происходит на сновидной части сцены? Как преобразуется сновидение с появлением няни? Кто она для продолжающего спать мальчика? Если бы няня в его внутреннем мире была надежным и защищающим объектом, ей, видимо, удалось бы достаточно быстро разбудить Сергея. Скажем точнее – он с большей готовностью проснулся бы **на встречу** к ней (к ее более сознательному и заботливому образу в его психике). Но нет, он словно сопротивлялся этому и продолжал спать. Я могу даже предположить, что он желал продолжать спать и не хотел просыпаться.

Няня никак не могла бы успокоить мальчика, сняв его страх кастрации, как это утверждает Фрейд («он обратился в бегство от отца к не представляющей опасности няне»), так как еще совсем недавно она сама угрожала ему «раной» в ответ на его активную попытку, как полагал Фрейд, ее соблазнения путем игры со своим пенисом в ее присутствии.

Предположить, что няня могла просто прибежать и не трогать его телесно, означало бы подвергнуть сомнению ее сильнейшую привязанность к мальчику и любовь к нему. Как пишет Фрейд, она нашла в нем замену своему умершему сыну, и она, конечно, очень переживала за Сергея и очевидно хотела побыстрее его разбудить, освободить от чего-то опасного и тяжелого, что он переживал во сне.

Видимо, она, ворвавшись на левую часть сцены, начала его обнимать, трясти, тормошить, встряхивать – другими словами, совершать активные манипуляции с его спящим телом, стремясь побыстрее его разбудить.

Как при этом преобразилась сновидная часть сцены? В кого превратилась в продолжающемся сновидении мальчика его няня? Мы помним, что он вскрикнул в тот момент, когда ему стало страшно, что неподвижно сидящие на дереве волки могут ворваться в дом, подбежать к его кровати и съесть его.

Случайность ли это, что няне вместо спасительницы было предназначено завершить его страшную сцену? Или он так долго не мог проснуться именно потому, что няня-ведьма так хорошо вписалась в бессознательно ожидаемое мальчиком развитие этого кошмара? Другими словами, действительно ли в этот момент случайной встречи реальности в лице няни и сновидной фантазии в образе волка няня превратилась в волка в одном из его внутренних пространств? Или няня к этому моменту уже была волком в бессознательном Сергея и просто доиграла в не осознанной им (переходной от сна к яви) части сновидения предназначенную ей роль? В одной из своих внутренних реальностей он хотел быть съеденным няней-волком и, возможно, проиграл это на правой сновидной части сцены.

Как бы там ни было, но в любом случае пытающаяся разбудить мальчика няня, видимо, была воспринята им как няня-волк, набросившийся на него и начавший терзать и рвать его тело, пожирая его.

Проявился ли здесь тот самый маленький Сергей, который раньше пытался играть с пенисом перед няней в надежде, что она поступит с ним так же, как и с садовником, – то есть завладеет его пенисом и даже им самим? Хотел ли он тем самым быть проглоченным няней-волком или смертельно боялся этого? Очевидно, что это два психических движения его души, одновременно присутствующие и разворачивающиеся на сновидной сцене, схваченные в тот момент тяжелым неразрешенным конфликтом, который сохранится у него практически в том же виде на протяжении всей его последующей жизни.

Переходя к ассоциациям Сергея Панкеева к сновидению с волками, Фрейд замечает, что «это сновидение пациент всегда связывал с воспоминанием о том, что в эти годы детства он испытывал неоправданный страх перед картинкой, изображавшей волка в одной книжке сказок. Старшая, значительно превосходившая его по развитию сестра часто дразнила его, показывая ему под каким-нибудь предлогом именно эту картинку, что обычно приводило к слезам. На картинке волк был изображен стоящим на задних лапах, одна из которых была выставлена вперед, с протянутыми вперед передними лапами и наостренными ушами. Пациент думает, что картинка была иллюстрацией к сказке о Красной Шапочке» (Фрейд, 1997, с. 106).

Вспомним здесь еще раз описанную Сергеем сестрой «непостижимую» картину того, что няня делала со всеми и, в частности, с садовником. Она заставляла его принять положение вниз головой, сама очевидно оставаясь стоять на ногах. Представляя себе эту картину, я обнаруживаю няню с открытым пожирающим пенисом ртом и протянутыми вперед руками, которыми она держит перевернутого вверх ногами садовника. Нетрудно заметить прямое сходство с изображением стоящего на задних лапах волка из детской книжки мальчика – того самого волка, которым его пугала сестра.

В другом месте Фрейд добавляет, что, «когда ему попадалась на глаза эта книга, он начинал иступленно кричать, боясь, что волк придет и сожрет его» (Фрейд, 1997, с. 98). Исследуя образ волка, Фрейд выразил пациенту сомнение в том, что пугающая его картинка относится к сказке «Красная Шапочка», и высказал предположение, что за этим страшным образом должна скрываться другая сказка. Вскоре Сергей Панкеев вспомнил о другой детской сказке «Волк и семеро козлят». В обеих сказках, отмечает Фрейд, «много общего. В обеих имеет место пожирание, взрезание живота, извлечение съеденных... и, наконец, в обеих сказках злой волк погибает» (Фрейд, 1997, с. 107). И далее: «Детей вынимают из живота волка. Был ли, следовательно, **волк женским существом** или, может быть, и мужчины могли иметь в животе детей?» (Фрейд, 1997, с. 103, – выделение автора статьи). Больше Фрейд нигде не возвращается к выделенному мною в этой цитате предположению о возможной женской, а не мужской сущности волка.

Различие между этими двумя сказками, на мой взгляд, все-таки есть, и оно принципиальное. В «Красной Шапочке» девочку и бабушку освобождают из брюха волка мужские фигуры (отцовские репрезентации): в одной из версий, более популярной в России, – дровосеки с помощью топора, в другой, европейской, – охотник с помощью ножниц. В сказке же «Волк и семеро козлят» живот волку разрезает сама мать, не нуждающаяся в помощи отцовской фигуры. Кроме того, в свете рассматриваемой мною связки няня-волк тот факт, что в «Красной Шапочке» девочка встречает в кровати не просто волка, а волка-бабушку (няню), может иметь очень важное значение для развития внутреннего сюжета с участием волка у маленького Сергея.

Эта сказка красноречиво добавляет цвета в описанную мною сновидную сцену. В сказке волк пожирает бабушку, надевает ее чепчик и халат, ложится в ее кровать, дожидаясь девочку. Когда она входит в дом, то видит свою бабушку, которая на самом деле волк с бабушкой (няней) внутри. В конце небольшого разговора волк набрасывается и проглатывает девочку.

Соответственно, еще до того как няня ворвалась из внешней во внутреннюю реальность сновидца, она уже присутствовала в ней в виде представителя архаической фаллической матери – в данном случае волка.

Поэтому, возможно, мальчик и не мог так долго проснуться. Внешняя и внутренняя реальность встретились и вошли в резонанс, подтвердив его бессознательные желания и страхи.

Начиная с момента «непостижимых» рассказов сестры о няне и до рассматриваемого сновидения первосцена проживалась мальчиком как в его внутреннем мире, так и во внешней реальности, когда сестра показывала ему картинку со стоящим волком. В момент сновидения в течение того самого переходного периода между сном и явью она была прожита им на границах реального и воображаемого. Реальная няня, бросившись ему на помощь, мгновенно превратилась в спрыгнувшего с дерева волка, который набросился на него, готовый сожрать его полностью.

Волк – пугающий и одновременно возбуждающий образ няни в перво-сцене – уже проглотил заботливую и любящую его старушку (его сознательный образ няни) и теперь в образе няни-волка стремился завладеть и им также. Явь и сон встретились в одной точке.

Какое значение при этом имеет возможная идентификация маленького мальчика с девочкой из «Красной Шапочки»? Рассмотрим этот и другие вопросы во второй части статьи, а пока вернемся в аналитический кабинет Фрейда с лежащим на кушетке Сергеем Панкеевым.

Волки на дереве ассоциировались у него с прямостоящим волком на страшной картинке из детской книжки. Последняя стала пугающей, согласно Фрейду, из-за ее связи с реальным или фантазийным переживанием мальчиком родительского коитуса, его желанием занять материнскую позицию в перво-сцене и страхом кастрации как обязательного условия для этого.

Не оспаривая эти утверждения Фрейда, которые могут совершенно спокойно сосуществовать с моими находками, я, следуя за Сергеем Панкеевым и Фрейдом, считаю, что за волками в сновидении прячется стоящий ужасный волк на картинке, но за ним, в отличие от Фрейда, уверенного в отцовском происхождении волка, я вижу не отца, а няню, то есть представителя архаической фаллической матери. То, что я ее вижу, никак не означает, что это и есть то, что происходит на сцене. Это только видимая часть картины, невидимое присутствие второй ее части обозначено отсутствием того, кто должен был бы присутствовать, – условного садовника.

Кроме того, что няня была волком, она к тому же, как мы видели выше, была еще и ведьмой, умеющей летать на метле. Ей, конечно, не составило бы труда сидеть высоко на ветке орехового дерева. Фрейд упоминает о «необразованности» няни, но в то же время он пишет о том, что мать мальчика «сама рассказывала ему священную историю и, кроме того, велела няне читать ему о ней из книги, разукрашенной иллюстрациями» (Фрейд, 1997, с. 128). Кто тогда читал маленькому Сергею сказки и детские рассказы на ночь? Рассказывала ли ему их няня в своей народной интерпретации? Какие именно сказки и рассказы, кроме «Красной Шапочки» и «Волка и семерых козлят», он слушал в раннем детстве? Хорошо известно, что во многих русских сказках присутствуют ведьмы, летающие на метлах. Мог ли он видеть картинки с изображением ведьмы, сидящей на ветвях дерева? По крайней мере, сейчас каждый русский ребенок (лично я уверен, что не только русский) может легко наткнуться на подобные картинки. Отсюда через связку с няней один шаг до волка (ведьма-няня-волк), сидящего на ветке дерева.

В рассказе о сновидении Сергей Панкеев упоминает о шести-семи волках, сидящих на ветвях дерева. Тем не менее затем он приносит Фрейду рисунок, на котором изображены только пять волков (см. рис. 1).

В его воспоминаниях о времени, которое предшествует этому сновидению, встречаются пять основных женских фигур, каждая из которых оказала на него значительное влияние: мать, сестра, Груша, няня и гувернантка-англичанка.

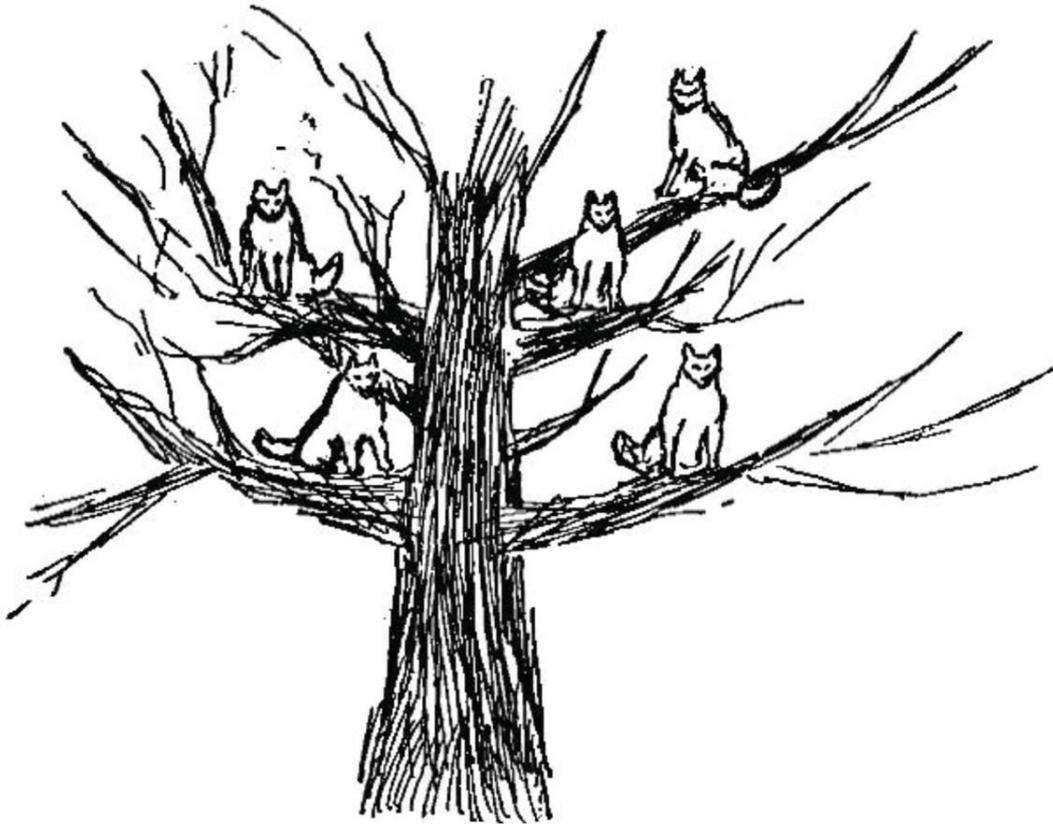

Рис. 1. Рисунок Сергея Панкеева, переданный Фрейдю

В сновидении, несомненно, маскулинный образ волка был дополнен лисьим (женским) хвостом. Мог ли этот лисий хвост намекать на архаическую материнскую сущность волка? Няня, конечно, читала мальчику сказки на ночь и, вне всякого сомнения, рассказывала ему различные истории из народного фольклора, передающиеся из уст в уста. В этих русских народных рассказах и волшебных сказках ведьмы играют важную роль, и одной из их отличительных особенностей является наличие хвостика. Этот хвостик, как мне кажется, является следствием фантазии о летящей на помеле ведьме, у которой сзади можно было увидеть «хвостик», образованный пучком веток на конце метлы.

Гувернантка-англичанка предлагала детям посмотреть на ее хвостик и, следовательно, обзывая няню ведьмой, сама была ею. Раньше я проследил ассоциативную цепочку: мать – Груша – няня – сестра – ведьма. Сейчас мы можем ее дополнить: мать – Груша – няня – сестра – гувернантка – ведьма – волк.

Итак, все пять значимых женских фигур в реальной жизни мальчика – мать, Груша, няня, сестра, гувернантка – были ведьмами и волками в архаическом пространстве его бессознательного.

Но как волки-ведьмы оказались белыми в его сновидении? Обычно и ведьмы, и волки изображаются в темных тонах. Имеет ли белый цвет волков отношение исключительно к волчье-отцовской сцене, фактически к эдипову уровню функционирования пациента, как это полагал Фрейд? Или он связан с чем-то скрытым еще?

3. Няня-гигантская-белая-гусеница

В воспоминаниях Сергея Панкеева присутствуют и другие представители архаической фаллической матери. Гусеница играет важную роль в бессознательном мальчика. Ссылаясь на пациента, Фрейд отмечает, что «бабочки казались ему женщинами и девушками, а жуки или гусеницы – мальчиками» (Фрейд, 1997, с. 146). И в другом месте: «Анализ доказал, что все те маленькие животные, гусеницы, насекомые, на которых он был так зол, имеют для него значение маленьких детей» (Фрейд, 1997, с. 141).

Тем не менее есть еще одна ускользнувшая от Фрейда важнейшая ассоциация гусеницы с бабочкой, коконом, куколкой. Живя на природе, среди деревьев, облепленных гусеницами, мальчик, гоняясь за бабочками, не мог не знать, что они появляются из куколок, в которые превращаются эти самые гусеницы.

Бабочка ассоциативно еще и бабушка, то есть для Сергея Панкеева – бабушка в «Красной Шапочке» – и также няня.

Гусеница – это имеющая фаллический вид материнская сущность, создающая матку-кокон, из которого путем его разрыва (самой гусеницей, без участия отца – как в «Семерых козлятах») появляется (рождается) бабочка. Была ли она всегда там, внутри гусеницы? Или гусеница (как волк) проглотила ее и она жила внутри брюха гусеницы долгое время, пока кто-то (кто?) не освободил ее?

Мы не знаем, задавался ли подобными вопросами маленький Сергей, но в любом случае у него не могли не возникнуть следующие ассоциативные связи: гусеница-бабочка-бабушка-няня-ведьма-волк.

Есть еще одна связь гусеницы с няней. Ян Гус, о котором Сергей Панкеев упоминал в связи с метлой, лежавшей рядом с Грушей, был родом из Гусинца (название этого чешского города на русском языке ассоциируется не только с гусем, но и гусеницей). Так, няня-ведьма-метлой могла встретиться в мире ассоциаций маленького мальчика с гусеницей и усилить уже существующую в его бессознательном связь гусеница-бабочка-бабушка-няня.

В одном из сновидений скачущего на лошади мальчика преследовала гигантская гусеница. Фрейд отмечает, что по поводу этого сновидения, «в котором женский символ заменен мужским, он вспоминает..., что в том же имени имелись деревья, совершенно **белые** от того, что были облеплены гусеницами» (Фрейд, 1997, с. 133, – выделение автора статьи). Из этого воспоминания мы узнаем, что гусеницы имели белый цвет и они «сидели» в том числе и на ветвях деревьев. Так волки стали белыми в сновидении маленького Сергея.

Дерево было так сильно облеплено белыми гусеницами, что стало совершенно белым – то есть превратилось в одну огромную белую гусеницу. Почему она преследовала мальчика? Хотел ли он быть проглоченным ею? И одновременно боялся этого?

Мы видим, что к связям гусеница-бабочка-бабушка-няня-ведьма-волк присоединяется еще одна – связь с белыми гусеницами, «сидящими» на ветвях деревьев.

Эдипов план сновидения с преследовавшей мальчика гусеницей детально раскрыт Фрейдом и хорошо подкреплен материалом пациента. Я добавляю здесь еще один, архаический уровень анализа.

Согласно Фрейду, жуки и гусеницы вызывали у мальчика страх и отвращение. Но, добавляет он, в то же время маленький Сергей мучил жуков и резал гусениц. Когда я думаю о том, как мальчик резал гусениц, то у меня возникают две разные картины. В первой он мог резать их, деля их на мелкие части, проигрывая свой страх кастрации. Именно на этом акцентирует внимание Фрейд.

Во второй он мог резать гусениц продольно, как бы взрезая им брюхо, чтобы проверить, есть ли там бабочка. В этом смысле он мог проигрывать таким образом роль дровосека из «Красной Шапочки», взрезающего брюхо волку-гусенице, чтобы освободить девочку и бабушку. Пытался ли он достать таким образом самого себя из куколки-брюха архаической матери? Стать отцом самому себе, пытаясь отделить себя от могущественного материнского объекта? Хотел ли он также освободить свою любимую няню, поглощенную волком-ведьмой?

Обратимся сейчас к галлюцинации мальчика на пятом году жизни: «Когда мне было пять лет, я играл в саду возле няни и резал перочинным ножом кору одного из тех ореховых деревьев, которые уже появлялись в моем сновидении. Вдруг я с ужасом заметил, что перерезал себе мизинец (правой или левой руки) и он остался висеть на коже. Я не чувствовал боли, а только сильный страх. **Я не решался сказать об этом находящейся в нескольких шагах няне**, а опустил на ближайшую скамью и остался сидеть, не в состоянии снова взглянуть на палец. Наконец я успокоился, посмотрел на палец, и оказалось, что он был совершенно невредим» (Фрейд, 1997, с. 143, – выделение автора статьи).

Мы вновь, как и в случае со сновидением с волками, встречаем няню в самом эпицентре бессознательного переживания мальчика. В этом случае еще ярче, чем в предыдущем, проявляется амбивалентное отношение к ней со стороны Сергея. Если бы няня действительно была надежным, успокаивающим и защищающим материнским объектом, то он сразу же обратился бы к ней за помощью и успокоением. В его рассказе о сновидении с волками он также не звал няню, а просто вскрикнул от страха, и, несмотря на то что няня мгновенно пришла ему на помощь, он долго не мог проснуться.

В галлюцинации, или, я бы сказал, сне наяву – реври (*rêverie*) – он находился не в таком глубоком бессознательном состоянии, как при сновидении. Он вполне осознавал, что няня находится рядом. Ее присутствие не только не помогло ему, но, как я предполагаю, даже продлило галлюцинацию, в которой няня не просто была упомянута в его рассказе о галлюцинации, а находилась в самом эпицентре разворачивающейся психической драмы и играла в ней определенную роль. Какую? Мы выяснили, что точно не помогающую и защищающую. И не нейтральную, иначе няня не появилась бы в самом центре галлюцинации.

Реври – это измененное состояние сознания, в котором смешиваются сознательное и бессознательное, явь и сон, реальное и фантазийное.

За секунду до этого реври няня еще была реальной, теплой, заботливой няней. Но когда началась галлюцинация, палец перестал быть пальцем, кора перестала быть корой, няня перестала быть няней. Когда он успокоился, палец снова стал его пальцем, кора – корой, а няня – няней. Но какие роли они все играли внутри этого сна наяву?

Здесь есть один важнейший, оставшийся незамеченным ассоциативный сдвиг. Сначала Сергей Панкеев говорит о галлюцинации, в которой он резал ножом кору дерева. Однако в своем, как его называет Фрейд, кратком комментарии он позже добавляет, что «не верит в то, что резал **дерево**. Видимо, возникла путаница с другим моим воспоминанием, которое также было изменено галлюцинацией, о том, как я сделал **надрез ножом в дереве** и будто при этом из **дерева** появилась кровь» (Фрейд, 1997, с. 143, – выделение автора статьи).

Из анализа Фрейда мы знаем, что эта первая галлюцинация с корой дерева была вызвана страхом кастрации со стороны отца. Дерево означало для пациента женщину, а он сам «играл, следовательно, при этом роль отца и привел знакомое ему кровотечение матери в связь с открытой им кастрацией женщины, "раной"» (Фрейд, 1997, с. 144). За покушение на роль отца он должен был быть наказан отцом этой самой раной – кастрацией.

Но, как я показал выше, кора в одном воспоминании заменилась на дерево в другом. Это означает, соответственно, что в реври кора перестала быть корой, а стала целым деревом. Дерево, как я описывал выше, ассоциировалось у него с гигантской белой гусеницей, то есть играло роль архаической фаллической матери. Одновременно это еще и было деревом, на котором сидели белые гусеницы-ведьмы-волки.

Но какую роль играла няня? Если она не была ни защищающей, ни нейтральной, то была ли она в реври мальчика угрожающей фигурой? Маленький Сергей резал ножиком кору орехового дерева. Я сразу вспоминаю о том, как он резал ножиком гусениц и, согласно моему предположению, искал там бабочек (детей).

Стремясь достичь генитальной отцовской позиции в первосцене, где он пытался тыкать своим маленьким ножиком в дерево-женщину и галлюцинаторно обнаружив ее «рану» с кровью, испугался – испугался ли он только отца, как об этом пишет Фрейд, или, кроме этого, он регрессировал на гораздо более глубокий архаический уровень, тот самый психический пласт его бессознательного, где няня становится представителем архаической фаллической матери, то есть превращается в гигантскую белую гусеницу-дерево, ведьму, волка – образы, угрожающие ему не просто кастрацией, а пожиранием?

«Поводом к галлюцинации про отрезанный палец...», пишет Фрейд, «...послужил, как он позже сообщил, рассказ о том, что у одной родственницы, которая родилась с шестью пальцами, этот лишний палец был сейчас же отрублен **топором**. У женщин, следовательно, не было пениса потому, что при рождении его у них отрезали» (Фрейд, 1997, с. 144, – выделение автора статьи).

Все это приводит меня к мысли о том, что, возможно, мальчик пытался не просто достичь отцовской позиции в эдиповой первосцене, но скорее грезил о позиции сказочного «дровосека» в архаической первосцене, где тот, используя топор, взрезает брюхо архаической матери-волку-гусенице-ведьме (с метлой и с шестым пальцем) и достает оттуда эдипову материнскую фигуру няни и ребенка. Или из брюха в этом случае вылезут не эдиповы, а прегенитальные, анальные фигуры?

У мальчика была галлюцинация про практически отрезанный, висящий на коже палец – следовательно, он бессознательно идентифицировался с этой шестипалой женщиной, одним из образов архаической фаллической матери, которая была «кастрирована» отцом-дровосеком. И одновременно сам же пытался отрезать себе этот шестой палец.

Пытался ли он тем самым вытащить сам себя изнутри архаической матери, или, точнее, архаической первосцены? Реальный маленький перочинный ножик, однако, не то же самое, что топор сказочной (архаической) отцовской фигуры дровосека. В любом случае попытка стать дровосеком ему не удалась, и тогда это означает, что на одной из важнейших внутренних сцен он остался внутри брюха архаической фаллической матери.

Я продолжу анализ случая Сергея Панкеева во второй части статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Россохин А.В.* Интерсознание в психоанализе. М.: Когито-Центр, 2010. 304 с.
2. *Россохин А.В.* Интерпретации в психоанализе: Там, где было Я и Оно, должно стать Иное // Журнал клинического и прикладного психоанализа. Т. 1, № 1, 2020.
3. *Фрейд З.* Из истории одного детского невроза. В сб. А. Фрейд, З. Фрейд. Детская сексуальность и психоанализ детских неврозов. ВЕИП, СПб. 1997.
4. *Freud S.* (1918). From the History of an Infantile Neurosis. The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, Volume XVII (1917–1919): An Infantile Neurosis and Other Works, 1–124.

Oedipus and/or archaic primal scene. Wolf Man – new reading

A.V. Rossokhin

Rossokhin Andrey Vladimirovich, Titular member of the Paris Psychoanalytical Society (SPP), Doctor of Science in Psychology, Professor, Head of the Department of Psychoanalysis and Business Consulting at the National Research University "Higher School of Economics", Head of the Master's Programs "Psychoanalysis and Psychoanalytical Psychotherapy" and "Psychoanalysis and Psychoanalytical Business Consulting", member of the International Psychoanalytical Association (IPA), President of the Moscow Psychoanalytical Association (MPA), Honorary President of the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC), Editor-in-Chief of the Journal of Clinical and Applied Psychoanalysis, the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC).*

* Doctor of Sciences. A post-doctoral degree called Doctor of Sciences is given to reflect second advanced research qualifications or higher doctorates in ISCED 2011.

In the article, the author offers a new reading of Sergei Pankeev's (the Wolf Man) case, which complements Freud's analysis. Analyzing the clinical material in detail, the author discovers the archaic space of the unconscious of the Freud's famous patient and introduces the concept of pagan-archaic primal scene.

Keywords: psychoanalysis, Freud, Wolf Man, primal scene, castration complex, archaic phallic mother, Oedipus Complex.